

О.В.Гаман-Голутвина

СОЦИУМ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ В ЦЕННОСТНОМ ПОЛЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Смена лиц на российском политическом Олимпе и сопутствующая этому процессу смена поколений политического класса сопровождаются активной дискуссией среди экспертов о стратегии будущего президентства. Несомненно, рациональна та позиция, согласно которой основой этой стратегии должна стать система общезначимых ценностей, способных консолидировать общество, ибо без подобной консолидации эффективная реализация любой программы невозможна. В ходе дискуссии высказываются различные точки зрения на природу и характер доминирующих в обществе ценностей, возможную оптимизацию их соотношения и т.д. Однако, на мой взгляд, есть принципиальная проблема, без решения которой любые ценностные «меню» и основанные на них программы рискуют остаться красивой икебаной на фоне прогрессирующей деградации. Речь идет о необходимости реабилитационной идеи развития в общественном сознании.

Идея развития в России не была безусловной базовой ценностью ни в массовом, ни в элитарном сознании. Для массовых групп осуществление модернизаций в стране неизменно означало сверхнапряжение и сверхэксплуатацию, а значит, насилие (которое должно было компенсировать скудость иных ресурсов развития – финансовых, материальных, временных и т.д.). Отношение политического класса к модернизационным процессам отличалось настороженностью, объяснявшейся тем, что их осуществление, как правило, сопровождалось масштабными «чистками» самого этого класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата как агента модернизации. Самый яркий пример – репрессии 1930-х годов, в ходе которых на смену «старой гвардии» пришел, по определению Г.Федотова, «военно-спортивный класс» – «железные наркомы» и «железные секретари», не искушенные в теории, зато готовые строить «новый мир» с помощью подручных средств, а иногда и без оных.

Трудности внедрения модернизационных проектов в России традиционно коренятся и в слабости внутренних импульсов развития в рамках мобилизационной модели. Существенно также, что в качестве целей и ориентиров развития выступали задачи, опережавшие возможности населения. Эти задачи диктовались не произволом власти, а национальной целью «создания Империи на скудном экономическом базисе»¹, необходимостью выживания социума в условиях конкуренции с более удачливыми геополитическими соперниками. Поэтому «кнутом», подстегивающим развитие, выступала власть, причем нередко вопреки собственным убеждениям. Показательна деятельность Александра II, после поражения в Крымской войне вынужден-

¹ Федотов Г. Судьба и грехи России // Федотов Г. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 284.

ного осуществлять реформы 1860–1870-х годов, которые во многом противоречили политическим идеалам его молодости.

В наши дни число общезначимых целей и ценностей минимально. Существует значительный разрыв в представлениях элиты и населения, связанный с маргинализацией большого числа массовых групп и фрагментацией социальной структуры. Ценностные ориентации массового сознания эклектичны и определяются прежде всего приоритетами индивидуального выживания, а для элиты абсолютной ценностью являются власть, преуспевание и успех. Но несмотря на глубину различий в ценностных предпочтениях, и элита, и население солидарны в неприятии ценности развития: участниками негласного негативного «консенсуса по стагнации» были не только элита, но и население, так как по-прежнему действует принцип «каждому по способностям» – кто ворует завод, кто трубу, но все при деле.

Глубоко индифферентное отношение современной элиты к идее развития поистине катастрофично, ибо именно она как симбиоз высшей бюрократии и ведущих политико-финансовых кланов не только призвана быть субъектом стратегического целеполагания, но и де-факто является единственно значимым субъектом формирования общественных ценностей. Анализ показывает, что никакие внешние обстоятельства или статусное положение не способны так устойчиво влиять на принимаемые властями решения, как их убеждения и ценности, смыслозначимые представления о пределах допустимого в политике, доминирующие в политико-административной среде нормы межличностных отношений и целевые ориентиры².

Ослабление функции целеполагания в наибольшей мере подвергает эрозии элитарный статус руководящих групп. В последние годы политическую элиту России все чаще упрекают в безнравственности (свидетельством чему являются многочисленные войны компроматов, в которые вовлечена значительная часть влиятельных групп российского общества). Руководящие группы общества все в меньшей степени выполняют свою ключевую функцию и все меньше соответствуют базовому системообразующему признаку элиты (принятие стратегических решений). Иными словами, отечественный политический класс все меньше выступает в роли субъекта принятия важнейших стратегических решений³.

Стратегическая бессубъектность – следствие целого ряда причин. Прежде всего это результат приватизации институтов государства и гражданского общества: реализация исторической и политической субъектности невозможна без наличия государственной оси идентификации. Между тем сегодня для политического класса единственным реальным является корпоративный (точнее, квазикорпоративный) принцип идентификации, для населения – региональный. Общегосударственный интерес как инструмент артикуляции целей и ценностей большинства общества аннигилируется в качестве ценности. Сказывается и высокая степень конфликтности внутриэлитного взаимодейст-

² Саловьев А.И. *Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом // Палис. 1999. № 2. С. 66–67.*

³ Примечательно, что те же политико-финансовые структуры демонстрируют завидную способность к стратегическому мышлению, как только дело касается узкокорпоративных интересов. Так, например, в одном из документов ОНЭКСИМ-банка отмечалось, что банку в течение года, прошедшего со времени подготовки документа, удалось реализовать поставленные задачи стратегического характера на 50–60%. А это свидетельствует не только о стратегическом мышлении, но и способности выполнять принятые решения (*Независимая газета. 18.09.1997*).

вия, которое порой больше напоминает межклановые разборки (а сам политический класс – террариум единомышленников).

Глубинные же причины неэффективности действий сегодняшней элиты в качестве субъекта развития определяются значительными политическими и психологическими издержками и деформациями форсированной модернизации на протяжении предшествовавших исторических периодов. Сегодняшняя индифферентность элиты к проблемам стратегии – это оборотная сторона и результат гипертрофии эсхатологической устремленности глобального исторического проекта форсированной модернизации с его приматом ценности будущего и инструментальности настоящего. Перефразируя известную формулу Дж.Кеннеди, можно сказать, что в России слишком долго спрашивали «Что ты можешь сделать для страны», поэтому сейчас большинство граждан интересуется тем, что страна может сделать для них. В этом заключается объяснение известного парадокса: если индустриальную модернизацию 1930–1950-х годов осуществили выходцы из крестьянских семей, интеллигенты в первом поколении, то итогом политической деятельности блестящей плеяды интеллектуальных лидеров 1990-х (по числу ученых степеней и званий управленческий слой России минувшего десятилетия не имеет аналогов в предшествовавшей истории страны) стал системный кризис. Это произошло отнюдь не вследствие управленческой несостоятельности этой генерации, как нередко полагают. Просто изначально развитие не входило в задачи реформ. Лозунгом процесса была дистрибуция. А сила ее заряда (масштаб которого дает основания говорить о дистрибутивной пассионарности) определялась колоссальным потенциалом накопившегося неудовлетворения элиты в связи с психологическими последствиями permanently воспроизводившегося противоречия между функциями владения и распоряжения, свойственного ее предшественнице – советской номенклатуре.

Распоряжаясь огромными материальными ресурсами государства, представители совпартноменклатуры лично были весьма бедны, а по меркам сегодняшнего дня – нищенствовали. Большая часть имущества даже высших иерархов была казенной. Дочь И.Сталина С.Аллилуева вспоминала, как отец внушал ей и ее брату Василию мысль о временном характере привилегий руководства: «Дачи, квартиры, машины, – все это тебе не принадлежит, не считай это своим»⁴. О том, как это противоречие травмировало поколение позднесоветской номенклатуры, свидетельствует эпизод, рассказанный А.Грачевым, советником М.Горбачева. Когда во время визита четы Горбачевых во Францию супруга президента Д.Миттеран предложила Р.Горбачевой, похвалившей за завтраком поданный на стол мед, несколько ульев для ее загородного дома, та, всплеснув руками, с укором сказала супругу: «Сколько раз я тебя просила, Михаил Сергеевич, отказаться от государственных дач и взять хоть крошечный участок земли! Ведь у нас до сих пор ничего своего нет – улья негде поставить!»⁵.

⁴ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 159.

⁵ Грачев А. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 74.

Противоречие между правом распоряжения – действительно масштабным, в отдельные периоды практически неограниченным – и правом владения (вернее, отсутствием такового) побудило правящий класс стать могильщиком системы. Неудивительно поэтому, что доминирующая целевая установка новой элиты – стремление получить все, сразу, здесь и теперь. Сегодня можно считать сбывшимся предсказание Б.Рассела: «Коммунистическая вера подвергнется разрушению изнутри. Она налагает слишком жесткую узду на человеческую природу. Она требует отказа от элементарных благ, заключающихся в чувстве безопасности и некотором досуге. Все это она относит на будущее, которое, подобно радуге, удаляется от усталого путника по мере того, как он к ней приближается. Рано или поздно... любовь к достатку и удовольствиям поглотит энергию подуставших коммунистов. Коррупция их подточит. Гаремы покажутся более привлекательными, чем забота о заводском производстве»⁶.

⁶ Новое время.
№ 316. С. 59.

Продуктом этой установки стала архаизация процессов элитообразования. В ряде республик бывшего СССР произошел масштабный переход от бюрократического принципа формирования управленческого аппарата к рекрутированию элит на основе простейших форм социальных связей добуржуазного типа: заново образовались и обрели политический статус жузы в Казахстане, земляческие кланы в Таджикистане, родственные кланы в Туркмении, тейпы в Чечне и т.д. Подобного рода метаморфозы дают основания исследователям констатировать, что «преобладающий ныне тип рекрутации и деятельности правящих групп выступает главным препятствием и угрозой становлению новой российской государственности»⁷.

Афанасьев М. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.–Воронеж, 1996. С. 7.

Самая сложная проблема сегодня – сформировать модернизационную ценностную мотивацию политического класса. Очевидно, что модернизация предполагает не только разработку концепции и стратегии развития, но прежде всего политическую волю элиты к реализации этой стратегии в форме соответствующей практической политики.

⁷ Об отношении к крупному бизнесу контрапартнеров свидетельствуют, например, публикации в США известного доклада «Оргпреступность в России» (представившего Россию в качестве «криминально-синдикалистского» сообщества, угрожающего безопасности США и всего мира) или обнародование списка 146 «крупнейших мафиози России», совпадающего по составу с элитой российского бизнеса.

PR-технологией в данном случае может стать убеждение верхушечных групп в очевидной истине: именно отношение к проблеме развития общества и государства определяет перспективы самой элиты, ибо ни отечественный политический класс, ни крупный бизнес в условиях обострения глобального соперничества неконкурентоспособны без поддержки и защиты эффективного государства, ориентированного на развитие. Приватизировав государство, элиты – как политические, так и экономические – оказались в положении унтер-офицерской вдовы⁸.

Крупный российский бизнес нуждается в государственной поддержке. Даже столь могущественная структура, как «Газпром», испытывает потребность в патронаже государства в связи с требованиями МВФ и Всемирного банка о расчленении концерна. Не кто иной, как его глава Р.Вяхирев, автор российского парафраза знаменитого афоризма («Что хорошо для «Газпрома», то хорошо для России», что в на-

ших условиях означает подчинение государства интересам крупнейших корпораций), заявил на слушаниях в Государственной Думе, что за требованиями структуризации концерна стоят интересы нефтяных и газовых компаний США. В этом свете очевидно, что патронировать бизнес-элиту России может только сильное государство, поэтому укрепление его роли объективно отвечает интересам отечественного бизнеса.

Более того, в целях выживания элита просто вынуждена обеспечить развитие государства. Нельзя не согласиться с мнением ряда политологов о том, что в условиях продолжения стагнации проблематичной становится судьба не только населения, но и самой элиты, причем властный класс оказывается даже более уязвим, чем население: «Если 2/3 населения страны обречены на деградацию и исчезновение во имя мирового разделения труда, то уж оформившийся за последние десять лет новый господствующий класс при таком повороте событий избыточен по меньшей мере на три четверти»⁹.

⁹ Независимая газета. 27.01.2000.

Конечно, задача переориентации элиты на цели модернизации чрезвычайно сложна. Трудность ее решения связана не только с психологической готовностью политического класса изменить собственные установки и вектор движения страны. Существенную роль играют и колебания массовых настроений от приверженности общезначимым ценностям к частным интересам. Необходимо учитывать, что общественная жизнь подвержена циклическим изменениям.

«Смена вех» хорошо прослеживается на материале американской истории. Известно, как разнятся характеристики американцев, данные А.Токвилем в первом и втором томах его знаменитой работы «Демократия в Америке», хотя между их написанием прошло всего пять лет (первый был написан в 1835 г., а второй – в 1840 г.). В первом томе Токвиль, оценивая американское общество, отмечал энергию, гражданскую активность и приверженность общественным интересам. Если бы американцы «были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными»¹⁰. Во втором томе Токвиль, напротив, изображает американцев слабыми, послушными и бессильными, всецело поглощенными своими частными интересами: «Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства»¹¹. Известный американский историк А.Шлезингер-младший, сопоставляя столь разнящиеся характеристики, пришел к выводу, что общественная активность и частный интерес существуют в состоянии «мятникового» движения от частных забот (корыстолюбие) к общим интересам (патриотизм).

¹⁰ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994. С. 191.

¹¹ Там же. С. 377.

¹² Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Политическая культура России и США в зеркале сравнительного анализа // Власть. 1996. № 7.

Нам представляется возможным использовать описанный Шлезингером феномен «мятниковой» природы изменения массовых настроений, несмотря на существенные различия политической культуры и ментальности населения России и США¹². «Мятниковое»

изменение общественных настроений в России очевидно в еще большей степени, чем в США и Европе. Это определяется форсированным характером большинства российских модернизаций, сопряженных, как отмечалось выше, со сверхнапряжением и сверхэксплуатацией человеческих ресурсов, что вызывало необходимость массивного использования мер принуждения и неизбежно влекло за собой упадок сил и депрессию.

«Маятниковая» природа изменений массовых настроений неоднократно фиксировались историками российского государства. Способом «сброса» напряжения, своеобразной «разрядкой напряженности» традиционно в российской истории становилась смута. «Смута – не категория философии истории вообще. Это категория философии российской истории... Она представляет собой разбитное время, когда получают шанс всякого рода авантюристы, когда поднимается наверх все то, что обычно лежит на дне исторического потока... Смута представляет собой провал в истории, разрыв в ее цепи. Рассмотренная в ретроспективе, она знаменует конец, возврат в варварство. Однако в перспективе она выглядит как изготовка для нового исторического рывка»¹³. В этой связи справедливо описание Федотовым феноменологии цикличности массовых настроений в России: «Московский народ раз в столетие справляет свой праздник “дикой воли”, после которого возвращается, покорный, в свою тюрьму»¹⁴.

Думается, что сверхнапряжение, выпавшее на долю России в XX в. в ходе хилиастического прорыва в число сверхдержав и безмерно дорогой ценой доставшейся победы во второй мировой войне, и стало одной из важных причин российской смуты на исходе столетия. В этом же, помимо традиционного прохладного отношения населения к политике и политикам, кроется причина фиксируемого многочисленными социологическими опросами падения доверия к властным и общественным институтам (по последним данным, 80% населения не доверяют никому (!)). Феномен этой усталости должен быть принят по внимание ответственными государственными мужами не только при разработке электоральной тактики, но и при осуществлении выбора в пользу той или иной стратегии развития государства, ибо, как известно, политик думает о будущих выборах, а государственный деятель – о будущем страны.

Дополнительным аргументом в пользу необходимости учета фазы массовых настроений и вектора массовых симпатий является то обстоятельство, что, в отличие от развитых западных политий, для которых характерно эффективное артикулирование и агрегирование массовых интересов, выполняющих регулятивную функцию в определении политического поведения соответствующих социальных групп, в России интересы массовых групп слабо артикулированы и еще хуже агрегированы. Поэтому определяющую роль в формировании позиции массовых слоев у нас играют именно настроения, а не интересы¹⁵.

¹³ Городецкий А., Гусейнов А., Межуев В., Толстых В. Социальная база центризма. М., 1994. С. 44.

¹⁴ Федотов Г. Империя и свобода. США. Посев, 1989. С. 75.

¹⁵ Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М., 1998. С. 371–374.

Несомненно, что нынешний период доминирования «коротких» частных целей и ценностей, как и популярности «коротких» денег, в перспективе сменится ориентацией на общезначимые стратегические цели. Но это произойдет не скоро – слишком исторически длительными были периоды форсированных модернизаций, в ходе которых личными интересами населения жертвовали во имя общезначимых целей. Поэтому сегодня вряд ли рационально в очередной раз апеллировать исключительно к гражданскому чувству: ставшее своеобразной «платой за развитие» истощение психологических ресурсов элит и населения ограничивает возможности использования мобилизационных методов управления и во многом обуславливает характер существующей проблемной ситуации.

Способом ее разрешения может стать реализация важнейшего потенциала развития – интеллектуального. Подобная стратегия соответствует интересам и национального бизнеса, ибо, как показывает мировой опыт последних десятилетий, инвестиции в интеллектуальную сферу оказываются стратегически наиболее эффективными для национального капитала¹⁶. В условиях новых геополитических реалий потенциал государства определяется не только его силовой мощью, а прежде всего способностью обеспечить динамизм национальной инновационной и экономической системы. Чтобы выжить в условиях глобальной конкуренции, российские элиты должны обеспечить развитие общества и государства именно с помощью авангардных технологий, ибо Россия возможна либо в качестве мировой величины, либо невозможна вообще (таковы геополитическое положение страны и психофизика нашего населения). Причем осуществить это необходимо вопреки происходящей масштабной деиндустриализации. Впрочем, для россиян эта задача не нова: нам не впервой стремиться к авангардным позициям посредством рывка.

¹⁶ *Независимая газета*. 20.03.1998.

Что касается технологий выстраивания модернизационных мотиваций населения, то вместо призывов в очередной раз «затянуть пояс» значительно рациональнее положить в основание общенациональной стратегии развития цели, резонирующие с частными интересами. Отсюда – необходимость новой версии привычных лозунгов: страна для граждан, а не граждане для страны, ибо сегодня на смену традиционным для россиян ценностям солидарности и справедливости пришли достоинство гражданина и его достаток.

Перспективы реализации стратегии развития в значительной мере зависят и от перспектив достижения согласия между элитами. В этой связи возможны два варианта развития политического процесса. Первый: влиятельные группы элиты осознают, что более или менее индифферентное отношение к России ее глобальных конкурентов в лице крупнейших субъектов мировой политики вскоре сменится другим – в будущем возможна существенно более жесткая политика по отношению к ней. В этом случае ведущие политико-финансовые кланы вступают в серьезный диалог с властью и достигают рамочного

проектного соглашения, касающегося принципиальных параметров отношений с государством на среднесрочную перспективу. Такого рода «пакт о согласии» позволит сохранить территориальную целостность Российской Федерации как субъекта международного права, историческую и политическую субъектность страны.

Второй вариант возможен, если подобного соглашения достичь не удастся. Элитные кланы будут противостоять друг другу. Как писал Р.Арон, «если элита монолитна, это означает конец свободы, но если она не только не едина, но и антагонистична, это означает конец государства»¹⁷. Внутриэлитное противостояние создает идеальную обстановку для внешнего «вклинивания», которое может быть использовано для раздела Российской Федерации на содружество «независимых государств».

Но даже факт достижения консенсуса элит относительно необходимости стратегической консолидации сам по себе недостаточен для преодоления стагнации. Главное условие успеха модернизационного проекта – наличие политической воли к его осуществлению. До тех пор, пока властный класс не будет готов к реализации идеи развития, судьба любой стратегии будет напоминать сюжет известной пьесы Беккета «В ожидании Годо»: эта идея сродни великому и ужасному Годо, которого напряженно ожидают, о пришествии которого только и говорят, но который так и не появляется на сцене*.

¹⁷ Aron R. *Social Structure and Ruling Class // British Journal of Sociology*. 1950. Vol. 1. P. 143.

* Статья написана при поддержке РГНФ. Проект 00-03-00233.